

© 2008 г. П.М. АРКАДЬЕВ

ТЕОРИЯ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ В СВЕТЕ ДАННЫХ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ*

В данной статье критикуется так называемая «дискриминаторная» концепция падежного маркирования, исходящая из ведущей роли принципа различительности в организации падежных систем и падежного маркирования. На материале языков с двухпадежными системами, относящихся к индоиранской и юто-ацтекской группам языков, демонстрируется, что случаи нарушения принципа различительности являются высоко систематическими и мотивированы наблюдаемыми в самых разных языках принципами иконического соотношения между семантико-прагматическими свойствами участников ситуации и обозначающих их именных групп. Для описания и объяснения этих и других фактов предлагается модифицированная теория падежного маркирования, использующая принципы и метаязык Теории оптимальности.

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В типологии и теории грамматики последних нескольких десятилетий утвердилась традиция анализировать модели падежного оформления «ядерных» семантико-синтаксических отношений в языках мира в терминах «глобальных» стратегий кодирования – (н о м и н а т и в н о-) а к к у з а т и в н о й, э р г а т и в н о й, а к т и в н о й и т.п. (см., например [Comrie 1978; 1989/1981: ch. 6; Dixon 1979; 1994; Nichols 1992; Lazard 1994; Primus 1999], а также [Кибрик 1992: гл. 14, 15; 2003: ч. III]). В основе данной теории (называемой в дальнейшем «дискриминаторной»), о которой подробнее пойдет речь в разд. 1, лежат принципы э к о н о м и и (язык не использует морфологический материал в тех случаях, когда это не является необходимым для целей коммуникации) и р а з л и ч и т е л ь н о с т и (слушающий должен иметь возможность различить участников поливалентной ситуации). Несмотря на то, что данная теория падежного маркирования показала свою эффективность при анализе целого ряда фактов, она не раз подвергалась обоснованной критике, направленной как на исходные постулаты этой концепции, так и на привлечение внимания к фактам, которые не могут быть описаны и объяснены в ее рамках (см. среди прочего [Тестелец 2003: ч. 4; Primus 1999; Butt, King 2002]).

У данной статьи две основные цели. Во-первых, обсудив «дискриминаторную» концепцию падежного маркирования (разд. 1) и указав на отмечавшиеся в литературе ее слабые места, я приведу (разд. 2) ряд фактов, представленных в языках с двухпадежными системами (о последних см. подробнее [Аркадьев 2005; Arkadiev 2006; 2008b]), которые принципиальным образом противоречат данной теории. Во-вторых, я пред-

* Данная статья является расширенной версией статьи [Arkadiev 2008a]; отдельные ее положения были представлены в виде докладов на конференции «Синтаксические структуры» (Москва, апрель 2007 г.) и на 7-м международном конгрессе типологов (ALT-VII, Париж, сентябрь 2007 г.). Я благодарен П. де Сварту, Х. де Хооп, П.В. Иосаду, А.Е. Кибрику, Л.И. Куликову, А.Б. Летучему, А.Л. Мальчукову, Т.М. Николаевой, В.А. Плунгяну и Я.Г. Тестельцу, а также анонимным рецензентам ВЯ и участникам дискуссий на указанных конференциях за ценные замечания. Работа выполнена при частичной поддержке Фонда Содействия отечественной науке.

ложу модификацию концепции падежного маркирования (разд. 4), которая, по моему мнению, способна единообразно и непротиворечиво описать и объяснить наблюдаемые факты, сохраняя при этом все достижения «дискриминаторной» теории. Предлагаемый здесь анализ основывается на предпосылках и формализме Теории оптимальности [Prince, Smolensky 2004/1993], основные положения которой изложены в разд. 3.

1. «ДИСКРИМИНАТОРНАЯ» ТЕОРИЯ ПАДЕЖНОГО МАРКИРОВАНИЯ

В основе «дискриминаторной» теории падежного маркирования лежат понятия, связанные с ситуациями и их участниками, как они концептуализируются человеческим языком. С одной стороны, разграничиваются ситуации (и, соответственно, предикаты и предложения) *о д н о м е с т н ы е* и *д в у х м е с т н ы е*, а среди последних постулируются «канонические» или «прототипические» (см., например [Hopper, Thompson 1980] или [Лакофф 1981/1971; Testelec 1998; Næss 2006]) *п е р е х о д н ы е* ситуации, т.е. такие, которые обозначают активное воздействие обладающего волей и контролирующего ситуацию *а г е н с а* на претерпевающего неконтролируемое им изменение состояния *п а ц и е н с а*. С другой стороны, участники указанных ситуаций, несмотря на существующие между ними семантические различия, объединяются в три больших класса (см. [Comrie 1978; Dixon 1979]): *S* (от англ. *sole*) – единственный участник одноместной ситуации, *A* (агнс переходной ситуации или более агентивный участник двухместной ситуации) и *P* (пациенс переходной ситуации или более пациентивный участник двухместной ситуации).

Для указанных трех участников логически возможны следующие способы кодирования, схематически представленные на рис. 1:

- 1) *аккузативный*, объединяющий *S* и *A* и противопоставляющий их *P*;
- 2) *эргативный*, напротив, объединяющий *S* и *P* и противопоставляющий их *A*;
- 3) *нейтральный*, объединяющий все три роли;
- 4) *контрастивный*, различающий все три роли;
- 5) «*квазинейтральный*»¹, объединяющий участников двухместной ситуации (*A* и *P*) и противопоставляющий их участнику одноместной ситуации (*S*).

Рис. 1. Стратегии кодирования ядерных ролей *S*, *A* и *P*

Указанные пять потенциальных типов кодирования распределены в языках мира весьма неравномерно (ср., например [Nichols 1992: 90]): наиболее частотны *аккузативная* и *эргативная* стратегии, *нейтральная* и *контрастивная* встречаются существенно реже, а *квазинейтральная*, как полагали основоположники «дискриминаторной» теории падежного маркирования, вообще не встречается (см., например [Comrie 1978: 379 ff.]²). Подобное статистическое распределение нуждается в объяснении, которое было сформулировано в терминах принципов *э к о н о м и и* и *р а з л и ч и т е л ь н о с т и*, ср. [Comrie 1978: 380, перевод мой]: «Употребление ненулевых показателей синтаксиче-

¹ Данный термин принадлежит мне.

² На самом деле, квазинейтральная стратегия представлена в ряде языков с двухпадежными системами, см. разд. 3.

ских функций [например, падежей. – П.А.] в языках мира ожидается прежде всего в тех случаях, когда наиболее вероятно неоднозначное восстановление синтаксических функций в отсутствие таких показателей». Из данной формулировки вытекает, что, с одной стороны, падежные показатели с наибольшей вероятностью употребляются тогда, когда они необходимы для того, чтобы избежать неоднозначности (различительность), а, с другой стороны, они скорее не употребляются в тех случаях, где в них нет непосредственной необходимости (экономичность).

Частные следствия принципа экономичности таковы (ср. там же):

1. Для роли S вообще не требуется никакого специального кодирования, т.к. она синтагматически ничему не противопоставлена.
2. Разные подтипы роли S (в частности, агенс и пациенс) могут быть нейтрализованы, т.к. их значение может быть восстановлено из контекста.
3. Из двух участников переходной ситуации достаточно эксплицитно маркировать лишь одного, поскольку другой будет выделяться «по остаточному принципу».

Из этих трех следствий вытекает, в частности, что наиболее экономичными (и не нарушающими при этом принципа различительности) являются такие стратегии, в которых, во-первых, роль S объединяется с одной из «переходных» ролей, противопоставляясь другой, т.е. аккузативная и эргативная стратегии, и, во-вторых, формально маркированной при помощи падежного аффикса является лишь эта отдельно кодируемая переходная роль. И действительно, в значительном большинстве языков с падежным маркированием ядерных ролей формально маркированными падежами являются именно аккузатив (кодирующий роль Р) и эргатив (кодирующий роль А). Тем самым, принцип экономии предсказывает не только структуру и статистическое преобладание аккузативной и эргативной стратегий кодирования, но и их морфологическое устройство.

Переходя к принципу различительности, отмечу, что он не требует того, чтобы наиболее противопоставленные семантические роли, т.е. синтагматически соположенные участники двухместной ситуации А и Р, формально различались во всех случаях. Принцип различительности утверждает лишь, что когда соотношение между участниками ситуации и выражающими их именными группами не может быть однозначно восстановлено на основании тех или иных их содержательных признаков, язык находит средства для устранения возможной омонимии. Последняя возникает в тех случаях, когда оба участника – А и Р – расположены близко на шкалах одушевленности (1) [Silverstein 1976; Dixon 1979] и референциальности (2) [Bossong 1985; Aissen 2003].

шкала одушевленности

- (1) 1 л. > 2 л. > 3 л. > личные имена > лица > одушевленные > неодушевленные

шкала референциальности

- (2) 1, 2 лицо > личные имена > определенные > неопределенные > нереперентные

Так, в том случае, когда один из участников является одушевленным или лицом, а другой – неодушевленным или не-лицом (животным), высока вероятность, что роль А выполняет первый, роль Р – второй. Напротив, когда оба участника являются одушевленными или неодушевленными, вероятность их смешения повышается.

В связи с этим следует различать два важных подтипа принципа различительности, которые я назову парадигматическим и синтагматическим (ср. [de Hoop, Malchukov 2006]). Эти подпринципы различаются как «сферой действия», так и вытекающими из них следствиями. Синтагматическая различительность оценивает предложения, в которых присутствуют оба участника – А и Р, – и требует, чтобы в случае, если они близки по своим семантико-прагматическим характеристикам, предложение содержало эксплицитное указание на роль соответствующих имен-

ных групп. Рассмотрим пример из папуасского языка форе [Donohue, Donohue 1997]³:

форе (языки Восточного нагорья Новой Гвинеи)

- (2) а. *yaga:* *wá* *aegúye*
 свинья человек бьет
 'Человек забивает свинью'. / *'Свинья нападает на человека'.
 б. *aragá-ma* *mási* *áegúye*
 девочка-ERG мальчик бьет
 'Девочка бьет мальчика.'
 в. *wa* *yága:-wama* *aegúye*
 человек свинья-ERG бьет
 'Свинья нападает на человека'.

В предложении (3а) именные группы 'человек' и 'свинья' занимают неодинаковое положение на шкале одушевленности, и принцип синтагматической различительности (точнее, та его версия, которая грамматикализована в форе, поскольку, очевидно, каждый язык по-своему членит иерархии одушевленности и референциальности) предсказывает, что в данном случае каждой из них можно однозначно приписать семантическую роль. Напротив, именные группы в предложении (3б) занимают одинаковую позицию на данной шкале, и потому для снятия омонимии используется морфологический показатель, оформляющий именную группу с ролью А. Наконец, в предложении (3в) соотношение именных групп на шкале одушевленности инвертировано по сравнению с «типичным» соотношением семантических ролей и семантических классов имен: роль А выполняет референт, занимающий более низкое положение на шкале одушевленности, нежели референт именной группы с функцией Р; такая ситуация также маркируется морфологическим падежным показателем на участнике с ролью А.

Парадигматическая различительность, напротив, оценивает не соотношение двух синтагматически соположенных именных групп, а соответствие семантико-прагматических свойств участника с данной ролью некоторому «прототипу», и требует, чтобы «непрототипический» участник получал особое кодирование. Согласно общепринятому в «дискриминаторной» теории мнению, «прототипический» А является одушевленным и определенным (а еще лучше – л о к у т о р о м [Кибрик 2003: 149–151], т.е. участником речевого акта), а «прототипический» Р, напротив, – неодушевленным и неопределенным (ср., в частности, [Comrie 1979]). «Типичные» А и Р, в соответствии с принципом экономии, не получают формального маркирования, а «непрототипические», т.е. одушевленные/определенные Р и неодушевленные/неопределенные А оформляются специальными показателями. Важно отметить, что употребление этих показателей не зависит от синтагматического контекста: если оба ядерных участника переходного предложения оказались непрототипическими, то они оба получают специальное оформление. В качестве примера рассмотрим данные австралийского языка д и р б а л [Dixon 1972: 59–60]:

³ В примерах используются следующие сокращения: ABS – абсолютив, ACC – аккузатив, ART – артикль, CAUS – каузатив, COP – связка, DIR – прямой падеж, DUR – дуратив, ERG – эргатив, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – генитив, IMP – императив, M – мужской род, NEG – отрицание, NF – нефинитная форма, NML – номинализация, NOM – номинатив, NPAST – непрошедшее время, OBJ – объектный падеж, OBL – косвенный падеж, PERF – перфект, PFV – перфектив, PL – множественное число, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PVB – преверб, REAL – реалис, REL – релятивизатор, SG – единственное число, TEMP – нефинитная форма глагола с темпоральным значением.

дирбал (пама-ньюнга, Северо-Восточная Австралия)

(4) а. *bayi yaʔa baŋgun ɖugumbi-ŋu balgan*
ART.M.ABS мужчина(ABS) ART.F.ERG женщина-ERG бьет
'Женщина бьет мужчину'.

б. *ŋaɖa ŋinuna balgan*
я:NOM ты:ACC бью
'Я бью тебя'.

(5) а. *ŋaɖa bayi yaʔa balgan*
я:NOM ART.M.ABS мужчина(ABS) бью
'Я бью мужчину'.

б. *ŋaɣuna baŋgul yaʔa-ŋu balgan*
я:ACC ART.M.ERG мужчина-ERG бьет
'Мужчина бьет меня'.

Пример (4) иллюстрирует случаи, когда оба участника занимают одинаковое положение на иерархии одушевленности (которая в дирбал и других австралийских языках основное противопоставление проводит между локуторами и не-локуторами). При участниках не-локуторах (4а) морфологическое оформление получает «непрототипический» А, Р же остается немаркированным. Обратная ситуация наблюдается в (4b), где оба участника – локуторы; здесь маркируется уже «непрототипический» Р, а А никак не оформляется. Здесь мы имеем дело с классическим примером «расщепленной» эргативности, когда падежное оформление существительных следует эргативной стратегии, а местоимения кодируются по аккузативной модели. Более сложный случай представлен в примере (5), где один из участников – локутор, а другой – нет. Здесь ни одна именная группа может не маркироваться, когда оба участника – «прототипические», т.е. А является локутором, а Р – не-локутором (5а). При обратном соотношении, т.е. когда оба участника отклоняются от «прототипа», морфологически оформляются обе именные группы (5b). Несмотря на некоторую неэкономичность такой системы, она чрезвычайно иконична: чем больше степень отклонения ситуации от «канонической», тем больше морфологического материала содержится в предложении, ее описывающем.

Так, в общих чертах, выглядит «дискриминаторная» теория падежного маркирования. Перед тем, как перейти к ее критике, следует отметить ее основное достоинство: эта концепция действительно адекватно предсказывает целый ряд нетривиальных конкретно-языковых и типологических фактов, такие как (а) само наличие различных стратегий кодирования ядерных ролей; (б) определенный характер сочетания разных стратегий оформления в пределах одного языка; (в) статистическое преобладание аккузативной и эргативной стратегий над остальными; (г) морфологические свойства падежных показателей, в частности, большую формальную сложность показателей, оформляющих «непрототипических» участников ситуации. Более того, рассмотренная концепция объясняет указанные факты при помощи небольшого числа интуитивно правдоподобных понятий и принципов.

И тем не менее, при всех своих очевидных достоинствах, «дискриминаторная» концепция имеет целый ряд серьезных недостатков, причем не «технического» свойства, устранимых при незначительной модификации понятийного аппарата теории, но самых фундаментальных, требующих, как представляется, коренного пересмотра ее базовых принципов.

Во-первых, постулат о примате различительной роли падежного маркирования (а не, например, наиболее очевидной сигнификативной, служащей не различению, а выражению семантико-синтаксических отношений) требуется доказать, что, насколько мне известно, никогда сделано не было, зато против него было приведено не-

мало аргументов (см., в частности, уже ранние работы [Mallinson, Blake 1981: ch. 2; Wierzbicka 1981; 1983; Du Bois 1987], а также [Тестелец 2003: 64–68; Primus 1999; Wunderlich, Lakämper 2001, Song 2001: 156–167]). Более того, необходимость в поверхностном различении ИГ, выполняющих роли А и Р, как было показано в ряде работ (см. опять же ранние статьи [Moravcsik 1978; Plank 1980]) является далеко не столь насущной, как обычно предполагается, и многие языки попросту не имеют грамматикализованных средств их различить, либо вообще, либо в ряде контекстов (ср. разнообразные примеры в работе [Plank 1980]). Принцип различительности, несомненно, важный для функционирования систем падежного маркирования, вовсе не всегда играет решающую роль и должен рассматриваться лишь как один из факторов, причем далеко не всегда сильнейший⁴.

Во-вторых, большие сомнения связаны и с принятой в «дискриминаторной» теории интерпретацией иерархии одушевленности и ее связи с «прототипическими» А и Р: тот факт, что именные группы с неодушевленными референтами реже выступают в функции А, нежели именные группы с одушевленными референтами, и наоборот, тривиален, т.к. вытекает из самого определения этих ролей. Утверждение же, что среди именных групп с одушевленными референтами роль А более всего свойственна локуторам, не вытекает ни из каких очевидных предпосылок и, более того, не подтверждается статистическими фактами (см. [Wierzbicka 1980: 132–142; 1981; Mallinson, Blake 1981: 83–86; Blake 2001/1994: 136–142; Тестелец 2003: 64–68]). Наконец, более частное утверждение о том, что «прототипический» Р является неодушевленным и неопределенным, явным образом противоречит авторитетной и доказавшей свою эффективность концепции переходности, выдвинутой в работе [Hopper, Thompson 1980], где в качестве одного из критериев «канонической» переходности постулируется именно высокая степень индивидуализации Р. Иными словами, Р прототипического переходного предложения как раз должен быть одушевленным и определенным, в противном случае он может быть опущен, подвергнут инкорпорации в предикат, или понижен в синтаксическом ранге, что приводит к тому, что предложение перестает быть переходным (более подробное обсуждение этой проблемы см. в работах [Næss 2004; 2006]).

В-третьих, «дискриминаторная» теория оказывается неспособна предсказать и объяснить целый ряд фактов, казалось бы, прямо относящихся к ее компетенции. Так, данная теория предполагает, что наиболее экономичные и различительные стратегии падежного кодирования – аккузативная и эргативная – должны встречаться в языках мира с примерно одинаковой частотой. Тем не менее, это предсказание не выполняется; по данным Дж. Николс [Nichols 1992: 101], из языков с падежным оформлением ядерных ролей аккузативную стратегию имеют в качестве единственной или основной 58% языков, а эргативную – лишь 28%. Такая разница в частотности явно неслучайна и должна следовать из каких-нибудь принципов устройства языка; «дискриминаторная» теория, однако, никаких гипотез о причинах такого неравного распределения, насколько мне известно, не выдвигала (ср. попытки объяснения этого феномена в совершенно других терминах в монографии [Primus 1999])⁵.

Наконец, «дискриминаторная» теория оставляет за пределами своего рассмотрения целый ряд фактов, которые плохо в нее укладываются или же не укладываются вовсе. Само по себе это обстоятельство не является недостатком – никакая хорошая теория не может объяснить всех фактов. Тем не менее, эти факты, часть которых будет рас-

⁴ Ср. убедительную демонстрацию этого на совершенно другом материале в статье [Кибрик 2007].

⁵ По-видимому, аккузативная и эргативная стратегии различаются с точки зрения диахронической стабильности [Маслова 2004]: как показано в работе [Maslova, Nikitina 2006], вероятность перехода от аккузативной стратегии к эргативной в ходе языкового развития ниже, чем вероятность обратного перехода. Причины такого различия, однако, пока остаются загадкой.

смотрена ниже, обнаруживают чрезвычайно существенные черты межъязыкового сходства, и, при своей немногочисленности, явно неслучайны и, более того, могут быть естественным образом мотивированы и объяснены. Именно наличие таких фактов и приводит к необходимости пересмотреть и модифицировать данную концепцию и предложить такой понятийный аппарат, который был бы способен инкорпорировать как эти «выбивающиеся» факты, так и те, что уже получили объяснение.

2. «РАСЩЕПЛЕННОЕ» ПАДЕЖНОЕ МАРКИРОВАНИЕ В ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМАХ

В данном разделе будет рассмотрен ряд данных, в принципе, известных, но прежде ускользавших от внимания типологов и специалистов по падежному маркированию, которые рассматривали их в качестве не более чем курьезных и несистематических исключений. Непредвзятый взгляд на эти данные и их внимательное сопоставление с более известными фактами показывает, однако, что эти кажущиеся «исключения» на самом деле могут быть мотивированы общими принципами устройства языка.

Как уже упоминалось в разд. 1, с точки зрения принципов экономии и различительности пять логически возможных типов падежного кодирования ядерных семантико-синтаксических отношений (S, A и P) могут быть оценены как более или менее «естественные» или «функциональные». В наибольшей степени удовлетворяют этим принципам аккумулятивная и эргативная стратегии; нейтральная стратегия является наиболее экономичной, но неразличительна; контрастивная, наоборот, максимально различительна, но неэкономична. Наконец, квазинейтральная стратегия в этих терминах является «наихудшей»: она не только не удовлетворяет требованию различительности, но и, в отличие от нейтральной, неэкономична, из всех возможных различий проводя наименее «существенное» – между непереходной ролью S и переходными ролями A и P. Неудивительно, что само существование такой стратегии кодирования ставилось основоположниками «дискриминаторной» теории под сомнение, а единственной реакцией на сообщения о том, что такая стратегия засвидетельствована в ряде иранских языков (см. статьи [Payne 1979; 1980]), было лишь указание на то, что данный тип исключительно редок и представлен в близкородственных языках, и потому не заслуживает внимания типологов (ср. [Dixon 1994: 203], где такая система трактуется как «несомненно, нестабильная» именно в силу ее несоответствия принципу различительности, или [Comrie 1989/1981: 125], где она описывается как «промежуточная стадия распада более ранней эргативной системы падежного маркирования и перехода к номинативно-аккумулятивной системе»).

Рассмотрим, однако, более подробно падежное маркирование в одном из языков, где отмечена квазинейтральная стратегия. Это язык вафси, относящийся к группе диалектов Центрального Ирана (северо-западная подгруппа иранских языков). Вафси является типичным иранским языком с двухпадежной системой, возникшей в результате редукции более древней многопадежной (см. [Керимова, Расторгуева 1975]; двухпадежные системы в индоиранских языках подробно рассмотрены в статье [Аркадьев 2006]); категория падежа имеется в нем у всех именных частей речи и выражается кумулятивно с категориями числа и рода. Прямой падеж служит в основном для выражения ядерных ролей, косвенный же, помимо ряда ядерных функций, может оформлять также роли приименного определения и адресата/реципиента, что является типичным набором функций для иранского «старого» косвенного падежа (ср. [Bosson 1985: 116–121]).

Рассмотрим подробнее, как в вафси кодируются ядерные аргументы. Как и в большинстве иранских языков, в вафси имеется два типа «расщепленного» кодирования, затрагивающие разных участников ситуации и обусловленные разными факторами [Stilo 2004: 242–244]. С одной стороны, это зависимость оформления A от видо-временной формы сказуемого: в системе неперешедшего времени (настоящее время, сослагательное наклонение и императив) A оформляется прямым падежом (пример (6)

[Ibid.: 243]), а в системе прошедшего времени – косвенным (примеры (7), (8) [Ibid.: 244])⁶. С другой стороны, при любых видо-временных формах сказуемого Р оформляется косвенным падежом, если этот участник одновременно референтен и одушевлен (примеры (6), (8)), и прямым падежом в противном случае (примеры (7), (9) [Ibid.: 243]). Здесь следует сделать два замечания: во-первых, указанные морфосинтаксические процессы никак не затрагивают непереходную роль S, которая во всех случаях оформляется прямым падежом (примеры (10), (11) [Ibid.: 231, 244]); во-вторых, наблюдающиеся в вафси два типа «расщепленного» кодирования принципиально независимы друг от друга и применяются к данному аргументу при любом значении признаков, релевантных для другого аргумента. Тем самым, в вафси представлены сразу четыре различных стратегии оформления ядерных актантов, см. табл. 1.

Таблица 1

Стратегии падежного кодирования в вафси

S	A	P	Стратегия	Обусловливающий фактор
Dir	Dir	Dir	нейтральная	наст. вр., неодуш./неопр. Р
Dir	Dir	Obl	аккузативная	наст. вр., одуш. и опред. Р
Dir	Obl	Dir	эргативная	прош. вр., неодуш./неопр. Р
Dir	Obl	Obl	квазинейтральная	прош. вр., одуш. и опред. Р

вафси (северо-западная группа иранских языков, Центральный Иран)

- (6) *tæ in xær-i næ-ruš-i?*
ты:DIR этот осел-OBL.SG NEG-продать-2SG
'Ты не продашь этого осла?'
- (7) *in luti-an yeu xær = esan æ-ruttæ.*
эти умный.человек-OBL.PL один осел(DIR.SG)=они DUR-продать:PST
'Эти умные люди продавали осла'.
- (8) *luas-i kærg-e = s bæ-værdæ.*
лиса-OBL.SG курица-OBL.SG = она PFV-взять:PST
'Лиса схватила [эту] курицу'.
- (9) *bæ-ss-e yeu xær ha-gir-e.*
PFV-идти-3SG один осел(DIR.SG) PVB-взять-3SG
'Он пошел купить осла'.
- (10) *tæ æten bæ-ssæ in kelj-i palu.*
ты:DIR теперь PFV-идти эта девушка-OBL.SG к
'Теперь ты иди к этой девушке'.
- (11) *qondaq hidara næ-væ?*
запеленутый(DIR.SG) проснувшийся NEG-стать:PST
'Младенец не проснулся?'

Особого внимания заслуживает пример (8), где представлена квазинейтральная стратегия оформления актантов. Как видно, такое необычное и не соответствующее типологическим ожиданиям положение дел оказывается функционально мотивированным: язык вафси, подобно многим другим языкам, в том числе и обладающим бо-

⁶ О диахронических истоках такой ситуации см. [Пирейко 1968], а о ее функциональной мотивации [DeLancey 1981; Tsunoda 1981; Lazard 1994].

лее богатыми падежными системами (ср. ниже обсуждение материала языка хинди), дифференцированно оформляет роли А и Р в зависимости от типологически чрезвычайно устойчивых факторов: вида/времени сказуемого и позиции участника на иерархиях одушевленности и референциальности. Необычность ситуации в вафси заключается лишь в том, как эти противопоставления выражаются при помощи морфологии: минимальный характер падежной системы диктует появление косвенного падежа на маркированных членах обеих релевантных для данного языка оппозиций и, тем самым, возникновение квазинейтральной модели.

Аналогичные факты могут быть обнаружены и в других иранских языках. Ср. примеры (12)–(13) из северо-западного иранского языка ч а л и (группа диалектов азари, иногда называемых «южно-татскими» [Yar-Shater 1969: 75–76]) и (14)–(15) из р у - ш а н с к о г о языка (памирская группа восточно-иранских языков, [Payne 1980: 155])⁷.

чали (северо-западная группа иранских языков, Северо-Западный Иран)

- (12) *bar* *beškias*.
дверь(DIR.SG) сломалась
'Дверь сломалась'.
(13) *varziar-ō* *arr-ōn = ešō* *bāšind*.
крестьянин-OBL.PL лопата-OBL.PL = 3PL бросили
'Крестьяне бросили свои лопаты'.

рушанский (памирская подгруппа юго-восточной группы иранских языков, Таджикистан)

- (14) *dāδ* *xawrič-ēn = an* *tar* *Xaraγ* *sat*.
этот:DIR.PL мальчик-PL = они в Хорог идти:PST
'Эти мальчики пошли в Хорог'.
(15) *duf* *xawrič-ēn* *im* *kitōb* *ḡēyt*.
этот:OBL.PL мальчик-PL этот:OBL.SG книга читать:PST
'Эти мальчики прочли эту книгу'.

Несмотря на то, что за пределами иранской группы языков в точности подобные модели падежного оформления ядерных ролей не отмечены, данное явление нельзя списывать со счетов как «исключение» или «крайне нетипичный случай» – тот факт, что все приведенные примеры могут быть естественным образом объяснены в универсальных функциональных терминах, свидетельствует о том, что и эти данные должны учитываться претендующей на адекватность теорией падежного маркирования.

Для того чтобы яснее представить себе систему факторов, обуславливающих возникновение только что рассмотренных моделей падежного кодирования, нужно обратиться к данным языков, где те же самые функциональные принципы «накладываются» на многопадежную систему. Такой материал дают ближайшие родственники иранских языков – индоарийские. Рассмотрим материал языка хинди (см. работы [Mohanani 1994; Butt, King 2002; 2004; de Hoop, Narasimhan 2005]). В хинди, как и в других индоарийских языках (см. [Зиграф 1976: 98–117; Masica 1991: 230–248]), довольно далеко зашел процесс грамматикализации послелогов, активно проникающих в область кодирования ядерных ролей. Таким образом, для целей данной статьи можно считать, что хинди обладает многопадежной системой, реализующейся в виде энклитик.

В хинди представлены те же самые явления «расщепленного» кодирования ядерных ролей, что и в вафси, т.е. зависимость оформления А от видо-временной формы

⁷ Следует обратить внимание на то, что в рушанском языке двухпадежное склонение сохранилось лишь у личных и указательных местоимений, будучи полностью утрачено у существительных.

глагола (однако в хинди это противопоставление связано скорее с видом, нежели со временем) и «дифференцированное» маркирование Р в зависимости от одушевленности и определенности (опять-таки, граница между маркированным «прототипическим» и немаркированным «непрототипическим» Р в хинди проходит не в точности там же, где в вафси). При перфективном виде сказуемого А кодируется эргативом (показатель =*ne*; примеры (16), (17) [Mohanap 1994: 59, 80]), а при имперфективном – номинативом (нулевой показатель, примеры (18), (19) [Ibid.: 59, 69]). Одушевленный или референтный неодушевленный Р оформляется при помощи объектного падежа (показатель =*ko*, примеры (17), (19)), кодирующего также роль адресата/реципиента, а нереферентный неодушевленный никак не маркируется (примеры (16), (18)).

хинди (индоарийская группа индоиранских языков, Западная Индия)

- (16) *bacce = ne* *kītāb* *paḍhī*.
 ребенок:OBL.SG = ERG книга(NOM.SG) читать:PFV
 ‘Ребенок прочел книгу’.

- (17) *Īlā = ne* *bacce = ko* *uṭhāyā*.
 Ила = ERG ребенок:OBL.SG = OBJ поднять:PFV
 ‘Ила поднял ребенка’.

- (18) *Ravī* *kelā* *khā* *rahā* *thā*.
 Рави(NOM.SG) банан(NOM.SG) есть DUR AUX.PST
 ‘Рави ел банан’.

- (19) *Ninā* *bacce = ko* *uṭhāyegī*.
 Нина(NOM.SG) ребенок:OBL.SG = OBJ поднять:FUT
 ‘Нина поднимет ребенка’.

Ситуация с ролью S в хинди несколько сложнее, чем в вафси, т.к. единственный участник непереходной ситуации также затрагивается «расщепленным» кодированием. В системе имперфектива S никак не маркируется, ср. пример (20) [Mohanap 1994: 8]. При формах же перфектива кодирование S зависит от того, насколько данный участник контролирует ситуацию, обозначаемую предикатом: контролирующий S оформляется так же, как А, т.е. эргативом (21a), а неконтролирующий не имеет показателя (21b) [Mohanap 1994: 72].

- хинди
- (20) *Rām* *gā* *rahā* *hai*.
 Рам(NOM.SG) петь DUR AUX.PRS
 ‘Рам поет’.
- (21)а. *Rām = ne* *cillāyā*. б. *Rām* *cillāyā*.
 Рам = ERG кричать:PFV Рам(NOM) кричать:PFV
 ‘Рам закричал (специально)’ ‘Рам вскрикнул (от боли или от страха)’.

Данное явление не имеет непосредственного отношения к нашей проблеме и в дальнейшем не будет рассматриваться, однако сам факт подобного распределения падежей свидетельствует о том, что эргативное кодирование в хинди обусловлено скорее семантическими причинами, нежели только требованиями различительности.

Явления «расщепленного» падежного маркирования в хинди, в ряде деталей отличающаяся от аналогичных процессов в вафси, сходны с ними в том, что в обоих языках правила кодирования, касающиеся А и Р, действуют строго независимо друг от друга, см. табл. 2.

Стратегии падежного маркирования в хинди

S	A	P	Стратегия	Обуславливающий фактор
Nom	Nom	Nom	нейтральная	имперфектив, неопр. и неодуш. Р
Nom	Nom	Obj	аккузативная	имперфектив, опред. или одуш. Р
Nom/Erg	Erg	Nom	эргативная	перфектив, неопр. и неодуш. Р
Nom/Erg	Erg	Obj	контрастивная	перфектив, опред. или одуш. Р

Тем самым, в обоих языках особая ситуация возникает в тех случаях, когда грамматика требует, чтобы оба аргумента переходного предложения получили морфологическое оформление, т.е. при сказуемом в прошедшем времени/перфективном виде и одушевленном и/или определенном Р. В вафси, как мы видели, такая комбинация признаков приводит в квазинейтральному оформлению актантов – и А, и Р получают косвенный падеж. В хинди же, где для А в перфективных предложениях и для одушевленных/определенных Р используются разные падежи – эргативный и объектный соответственно, в интересующем нас контексте возникает не «неразличительная» квазинейтральная стратегия, но «различительная», но неэкономичная контрастивная, ср. пример (17). Действительно, коль скоро А уже оформлен показателем эргатива, принцип различительности не нарушается, и дополнительное маркирование Р является с точки зрения «дискриминаторной» теории «излишним» (ср. выше аналогичное оформление некоторых типов предложений в языке дирбал).

Важное значение для нашего обсуждения имеет тот факт, что, рассматриваемые как целое, системы падежного маркирования ядерных аргументов в вафси и в хинди являются функционально тождественными. Принципы приписывания падежей аргументам, зависящие от вида или времени сказуемого и позиции участника ситуации на шкале одушевленности/референциальности, в этих языках различаются лишь в деталях, совпадая в главном: в характере распределения морфологически маркированных и немаркированных форм по контекстам и в независимости действия правил, касающихся разных аргументов. Основное же различие между этими системами, с точки зрения «дискриминаторной» теории очень важное, поскольку оно затрагивает лежащий в ее основе принцип различительности, т.е. тот факт, что в вафси наблюдается квазинейтральная модель оформления, а в хинди – контрастивная, – оказывается не более чем следствием различия наборов морфологических падежей в этих языках. Одинаковые семантические мотивации приводят к разным «поверхностным» результатам, будучи «наложены» на двухпадежную систему в вафси и на многопадежную систему в хинди.

Подобного рода явления встречаются далеко не только в индоиранских языках. Рассмотрим данные юто-ацтекских языков, где также распространены двухпадежные системы. В языке *яки* (южная группа юто-ацтекских языков, Мексика) в независимых предложениях наблюдается аккузативная стратегия кодирования ядерных аргументов: роли S и А единообразно кодируются при помощи прямого падежа (с нулевым показателем), а роль Р оформляется косвенным падежом (суффикс *-ta*), ср. примеры (22)–(23) [Lindenfeld 1973: 11, 54]⁸:

яки (южная группа юто-ацтекских языков, Мексика)

- (22) *itom čuuʔu bem kari = po yeewe.*
 наша собака(DIR.SG) их дом(DIR.SG)=в играет
 'Наша собака играет в их доме'.

⁸ Я сохраняю орфографию примеров, заимствованных из разных источников.

- (23) *inero et misi-ta biča-k.*
 я:DIR ваша кошка-OBL.SG видеть-PERF
 'Я видел вашу кошку'.

Ситуация, однако, осложняется во множественном числе, где прямой и косвенный падежи не различаются, причем, как указывается в работе [Guettero, Van Valin 2004: 298], порядок слов⁹ А–Р–V является в таких случаях лишь предпочтительным, но не обязательным; тем самым, примеры (24а, б) [Ibid.: 298–299] двусмысленны¹⁰:

- яки
 (24) а. *u-me goi-m u-me ču'u-im ke'e-ka.*
 ART-PL койот-PL ART-PL собака-PL кусать-PERF
 'Койоты укусили собак'. / ? 'Собаки укусили койотов'.
 б. *u-me ču'u-im u-me goi-m ke'e-ka.*
 ART-PL собака-PL ART-PL койот-PL кусать-PERF
 'Собаки укусили койотов'. / ? 'Койоты укусили собак'.

Как уже было сказано, в яки аккумулятивная стратегия оформления ядерных ролей представлена в независимых предложениях. В подчиненных же предикациях положение иное: они неизменно следуют нейтральной стратегии, причем все аргументы кодируются при помощи косвенного падежа. Такая ситуация является следствием того, что в яки подлежащее (роли S и А) зависимой предикации маркируется косвенным падежом, а не прямым; оформление прочих аргументов предиката при этом никак не меняется. Ср. примеры (25)–(27) [Lindenfeld 1973: 65, 81, 103], где представлены определительные и адвербиальные придаточные, а также сентенциальные дополнения:

- яки
 (25) *hu kari [in ačai-ta hinuk-a?u] weče-k.*
 ART.DIR.SG дом(DIR.SG) мой отец-OBL.SG купил-REL упасть-PERF
 'Дом, который купил мой отец, разрушился'.
 (26) [*hu-ka o?oo-ta yepsak-o*] *itepo saha-k.*
 ART-OBL человек-OBL.SG пришел-TEMP мы:DIR уйти-PERF
 'Когда этот человек пришел, мы ушли'.
 (27) *na = a biča ke [hu-ka usi-ta ču?u-ta kipwe-?u].*
 я:DIR = это вижу что ART-OBL.SG ребенок-OBL.SG собака-OBL.SG имеет-REL
 'Я вижу, что у ребенка есть собака'.

Данные примеры, в особенности (27), показывают, что в придаточных предложениях в яки роли А и Р не различаются при помощи падежных показателей.

Объясняется такого рода кодирование подлежащего в придаточных предложениях просто: нефинитные глагольные формы в зависимых предикациях яки являются, по крайней мере, исторически, отглагольными именами, требующими постановки аргумента с ролью S или А в атрибутивную форму; зависимое же имени в яки маркируется косвенным падежом, ср. пример (28) [Lindenfeld 1973: 56]. Подтверждением этого является тот факт, что в таких конструкциях подлежащее может выражаться также и

⁹ О роли порядка слов и других неморфологических факторов в функционировании принципа различительности см. работу [de Hoop, Lamers 2006].

¹⁰ Ср. замечание А.Е. Кибрика о неоднократно оспаривавшейся двусмысленности русских предложений типа *Мать любит дочь* [Кибрик 2007: 83, сн. 11].

особой формой личного местоимения, употребляющейся в посессивных конструкциях, ср. пример (29) [Ibid.: 72]:

- яки
- (28) *in ačai-ta čonim tosalī.*
 мой отец-OBL.SG волосы седой
 'Волосы моего отца седые'.
- (29) *ini-ka bači-ta [em hinuk-aʔu] nee maka.*
 ART-OBL.SG зерно-OBL.SG твой купил-REL я:OBL дать.IMP
 'Дай мне зерно, которое ты (А) купил'.

Такого рода маркирование подлежащего в придаточных предложениях с именной формой глагола довольно часто встречается в языках мира (ср. [Keenan 1985: 160–161; Lehmann 1988: 195–200; Сердобольская 2005]). Рассмотрим аналогичное явление в коми-зырянском языке, где подлежащее зависимой предикации в ряде случаев оформляется так же, как приименное зависимое, ср. примеры (30)–(32) [Сердобольская 2005: 51].

- коми-зырянский (пермская группа уральской семьи, Россия)
- (30) *me tād-a [soš'ed-lən mək-as guš'al-əm] jilš'.*
 я.NOM знать-NPST сосед-GEN1 корова-ACC воровать-NML о
 'Я знаю, что сосед украл корову'.
- (31) *me kīl-i [bat'-lš' gorz-əm-sə tama vīlə].*
 я.NOM слышать-PST отец-GEN2 кричать-NML-ACC мать на
 'Я слышал, как отец кричал на мать'.
- (32) *vaš'a-lən gətir-īs*
 Вася-GEN1 жена-3
 'Васина жена'.

Коми-зырянский язык, как и другие финно-угорские языки, обладает богатой падежной системой, где есть отдельные падежи для кодирования ядерных ролей, в том числе Р, и приименных зависимых (в коми-зырянском имеется даже два генитива, каждый из которых может оформлять подлежащее вложенной клаузы, ср. (30) и (31)), что позволяет этому языку сохранять аккузативную стратегию кодирования аргументов и в зависимых клаузах.

Принципиальная особенность ситуации в яки, тем самым, заключается в том, что здесь, как и в иранских языках, типологически естественные модели «расщепленного» кодирования актантов взаимодействуют с двухпадежной системой: наличие всего одного формального средства для оформления основных «косвенных» синтаксических функций приводит к ряду разнообразных случаев их неразличения.

Итак, рассмотренные выше данные индоиранских и юто-ацтекских языков со всей убедительностью свидетельствуют о том, что, помимо принципов экономии и различительности, в организации систем падежного маркирования первостепенную роль играет также принцип семантической мотивированности или иконичности (формулировка по [Кибрик 1992: 188], см. также [Haiman 1985; Du Bois 1985; Givón 1995]): «семантически одинаковое кодировать тождественно, семантически различное – по-разному». Именно требование по-разному кодировать разные типы S, А и Р лежит в основе столь частых случаев «расщепленного» оформления этих ролей (ср. подробную аргументацию этого тезиса в [Lazard 1994], ср. также [Кибрик 2003: гл. 10]). Роль принципа различительности, в особенности его синтагматического варианта в этих процессах, напротив, далеко не столь высока, и может вообще подав-

ляться в тех случаях, когда язык не располагает достаточным количеством грамматизированных морфологических средств не только для иконичного, но и для различного кодирования аргументов.

Адекватная теория падежного маркирования должна учитывать роль всех указанных факторов и допускать, чтобы в разных языках они могли иметь разный вес. Как представляется, такая теория может быть сформулирована в рамках формализма функционально-ориентированной Теории оптимальности.

3. ТЕОРИЯ ОПТИМАЛЬНОСТИ

Основная идея Теории оптимальности (далее ТО; см. основополагающую монографию [Prince, Smolensky 2004/1993], а также монографии [Kager 1999; McCarthy 2002], сборники [Dekkers et al. (eds.) 2000; Legendre et al. (eds.) 2001]; на русском языке краткое изложение идей ТО дается в [Тестелец 2001: 651–654] и [Князев 1999]; из работ, непосредственно касающихся падежного маркирования, следует указать [Legendre et al. 1993; Nakamura 1999; Aissen 1999; 2003; Woolford 2001; Wunderlich, Lekämper 2001; Lee 2003; Primus 2003; de Hoop, Narasimhan 2005; de Hoop, Malchukov 2006]) заключается в том, что универсальные принципы, ограничивающие грамматики языков мира, допускают исключения и нарушения. При этом для каждого конкретного языка существует определенное **ранжирование** релевантных для него ограничений. Языковые структуры, нарушающие ограничения с более высоким рангом, оказываются менее приемлемыми или вовсе неграмматичными по сравнению с теми, что нарушают более слабые ограничения. Важное достоинство идеологии ТО заключается в том, что она позволяет формализовать основные принципы функционального подхода к языку, в частности, принцип **противоречащих мотиваций** (competing motivations, [Haiman 1985]; см. обсуждение связи между ТО и функционализмом в статье [Haspelmath 1999]).

Кратко охарактеризую архитектуру и основные понятия ТО. Грамматика, по ТО, состоит из трех основных компонентов:

– **CON**: множество **ограничений** (constraints), которые удобно рассматривать как предикаты над множеством любых языковых выражений – слов, предложений, синтаксических групп, фонетических цепочек, структурных схем, семантических представлений и т.п. С **CON** соотносится множество **всех** возможных отношений порядка над ним; такие отношения порядка называются **ранжированиями ограничений** (constraint ranking). Совокупность ранжированных ограничений задает грамматику языка. Тот факт, что ограничение C_j ранжировано выше ограничения C_i при данном ранжировании, обозначается $C_j \gg C_i$; при этом говорят, что ограничение C_j **сильнее** ограничения C_i .

– **GEN**: функция, которая **вход**у (input), т.е. произвольному языковому выражению, сопоставляет множество (мы будем для простоты считать, что такое множество всегда конечно) других языковых выражений – **кандидатов** (candidates). Функция **GEN**, фактически, соотносит некоторое «глубинное» (например, семантическое) представление с множеством его потенциальных «поверхностных» реализаций.

– **EVAL**: функция, которая для кортежа $\langle \text{Inp}, \text{Rank}, \text{Cand} : \{w_1, w_2, \dots, w_n\} \rangle$, где **Inp** – языковое выражение-вход, **Rank** – некоторое ранжирование ограничений, $\text{Cand} = \text{GEN}(\text{Inp})$, вычисляет единственный **оптимальный** (optimal) кандидат-**выход** (output) при помощи следующего рекурсивного алгоритма:

(а) для каждого ограничения $C_i \in \text{Rank}$ в порядке убывания их силы, **EVAL** рассматривает все кандидаты, не помеченные как неоптимальные, на предмет нарушения/удовлетворения ими C_i . Если среди этих кандидатов есть как удовлетворяющие C_i , так и нарушающие C_i , то все кандидаты, нарушающие C_i , помечаются как неоптимальные;

(б) при переходе к более слабому ограничению C_{i+1} рассматриваются только кандидаты, не помеченные ранее как неоптимальные, и повторяется шаг (а);

(с) кандидат, не помеченный к концу просмотра всех ограничений как неоптимальный, признается победителем – оптимальным кандидатом¹¹.

Для наглядности действие функции EVAL изображается в виде таблицы. Рассмотрим табл. 3, где $Inp = K$, $Cand = \{A,B,C\}$, а $Rank = C_1 \gg C_2 \gg C_3$.

Таблица 3

Пример действия функции EVAL

K	C ₁	C ₂	C ₃
A	*!	*	
☞ B		*	
C		*	*!

Ранжирование ограничений обозначается их расположением в верхней строке таблицы слева направо. Нарушение данного ограничения данным кандидатом обозначается знаком * на пересечении строки данного кандидата и столбца данного ограничения. Знак ! рядом со знаком * обозначает «фатальное» нарушение и исключение кандидата из дальнейшего рассмотрения. Как видно, кандидат А является единственным, нарушающим сильнейшее ограничение C₁, и тем самым, уже не важно, какие из более слабых ограничений он нарушает, а каким удовлетворяет (это изображается затемнением клеток строки справа от клетки со знаком *!). Переходя к ограничению C₂, мы видим, что его нарушают вообще все (оставшиеся после «гибели» А) кандидаты, и оно, тем самым, нерелевантно. Поэтому судьбу кандидатов В и С решает наиболее слабое ограничение C₃: В ему удовлетворяет и поэтому побеждает, что обозначается знаком ☞. Здесь следует подчеркнуть важнейший принцип ТО: для оценки кандидатов значение имеет лишь ранг ограничений, которые нарушает тот или иной кандидат, но не их число: кандидат, удовлетворяющий сильнейшему ограничению, но многократно нарушающий слабые, все равно оказывается оптимальным.

Для дальнейшего рассмотрения нам понадобятся несколько более сложных понятий. Во-первых, это конъюнкция ограничений (conjunction of constraints): $A \& B \gg A, B$ (ограничение, являющееся конъюнкцией двух других, сильнее каждого из них по отдельности). Во-вторых, это центральное для анализа падежных систем понятие иерархии ограничений, определяемой как такое множество ограничений, ранжирование которого не подвержено межъязыковому варьированию (подробнее см. [Aissen 1999; 2003]). Иерархии ограничений в рамках ТО пригодны для формализации действия известных типологических иерархий, например, иерархии одушевленности. Так, иерархия (33) отражает интуицию «дискриминаторной» теории падежного маркирования о том, что для участника в роли Р более «естественно» находиться на правом краю иерархии одушевленности.

(33) *LOC/P $\gg$ *HUMAN/P $\gg$ *ANIMATE/P $\gg$ *INANIMATE/P

Для того чтобы, во-первых, предсказать типологическое разнообразие, связанное с действием таких иерархий, и, во-вторых, не допустить того, чтобы менее «естественные» языковые структуры вообще не порождались, иерархии ограничений дополняются ограничениями других типов. Рассмотрим ограничение *Ø. Само по себе оно попросту запрещает тем или иным образом немаркированные языковые структуры, например, именные группы, не оформленные показателем падежа. Более глубокий

¹¹ Легко доказать, что при такой формулировке оптимальный кандидат всегда существует, причем только один.

смысл, однако, имеет конъюнкция данного ограничения с иерархиями типа (33), порождающая иерархию ограничений в (34):

(34) *LOC/P & *Ø >> *HUMAN/P & *Ø >> *ANIMATE/P & *Ø >> *INANIMATE/P & *Ø

Иерархия ограничений в (34) гласит, что комбинации признаков, более «когнитивно маркированные» (см. [Кибрик 2003: 45]), не могут быть немаркированными формально; тем самым, данные иерархии являются формализацией принципа иконичности.

Наконец, для того чтобы иерархии ограничений окончательно «заработали», требуется еще одно ограничение, «противоположное» ограничению *Ø, а именно *STRUC, запрещающее, напротив, формально маркированные языковые структуры. Помещая в ранжировании данное ограничение между теми или иными ограничениями в иерархии (34), можно предсказать, в какой точке данный язык переходит от формально немаркированных структур к формально маркированным. Так, в языке дирбал, рассмотренном в разд. 1, ранжирование соответствующих ограничений выглядит так:

(35) *LOC/P & *Ø >> *STRUC >> *HUMAN/P & *Ø >> *ANIMATE/P & *Ø >>
>> *INANIMATE/P & *Ø

Ранжирование (35) соответствует тому факту, что в дирбал показатель аккузатива имеют лишь Р, являющиеся личными или указательными местоимениями.

Итак, в данном разделе были продемонстрированы основные понятия ТО и те более частные аспекты ее формализма, которые имеют непосредственное отношение к проблеме «расщепленного» падежного маркирования. В следующем разделе будет предложено описание в рамках данной концепции фактов, рассмотренных в разд. 2.

4. ОПИСАНИЕ ФАКТОВ ДВУХПАДЕЖНЫХ СИСТЕМ В ТЕРМИНАХ ТО

Как уже было отмечено в разд. 2, рассмотренный здесь материал двухпадежных систем показывает, что для описания явлений «расщепленного» кодирования ядерных актантов необходимо учитывать не только принципы различительности и экономии, но и принцип иконичности, требующий формального маркирования определенных сочетаний семантических и прагматических признаков. Кроме того, адекватная теория падежного маркирования должна допускать, чтобы в разных языках указанные принципы, точнее, их конкретно-языковые манифестации, могли иметь разный ранг. Такого рода концепция может быть сформулирована в рамках Теории оптимальности, формализм которой был охарактеризован в разд. 3. В данном разделе интересующая нас концепция падежного маркирования будет построена и применена к конкретным фактам.

Для максимально простого описания приведенного выше материала нам понадобятся следующие ограничения и иерархии ограничений:

- (36) a. DIST(inguishability): именные группы с ролями А и Р должны быть различены; при этом, если они обладают похожими или тождественными семантико-прагматическими свойствами, они должны быть различены формально;
- b. *STRUCASE: языковые структуры, содержащие морфологически выраженные падежи, запрещены;
- c. *INDIVP/Ø >> *NONINDIVP/Ø: индивидуализированный Р скорее получает формальное кодирование, чем неиндивидуализированный Р; под степенью «индивидуализации» понимается положение участника на иерархиях одушевленности/референциальности; граница между индивидуализированным и неиндивидуализированным участником в разных языках может проходить по-разному; подчеркну, что точка зрения на соотношение «прототипических» и «непрототипических» Р, отстаиваемая здесь, прямо противоположна «дискриминаторной» концепции, и скорее лежит в русле уже упоминавшейся гипотезы тран-

зитивности П. Хоппера и С. Томпсон: высокоиндивидуализированный Р в большей степени вовлечен в переходную ситуацию, нежели низкоиндивидуализированный, и именно эта высокая степень вовлеченности получает формальное выражение (ср. [Næss 2004; 2006]);

- d. *PASTA/Ø >> *NONPASTA/Ø: А при прошедшем времени/перфективном виде сказуемого скорее получает формальное маркирование, чем А при непрошедшем времени/имперфективном виде сказуемого; см. [Hopper, Thompson 1980; Tsunoda 1981]; такое ранжирование, как и предыдущее, касающееся Р, обусловлено тем фактом, что «прототипический» А – такой, который не только совершает действие, но и в том или ином смысле обладает его результатами, что возможно лишь тогда, когда ситуация (или по крайней мере ее фрагмент) уже имела место; при этом формальное выражение получает не отклонение от «прототипа», а как раз «прототипическая» агентивность;
- e. *EMBEDSB/Ø >> *INDEPSB/Ø: подлежащее (участник с ролями S или A) независимой предикации более «естественно», чем подлежащее зависимого предложения; данное ограничение связано с тем, что лишь в независимом предложении подлежащее является «полноценным» с точки зрения прагматических свойств топиальности и «фокуса эмпатии» (ср. [DeLancey 1981]); в данном случае формальная маркированность иконически отражает семантическую.

Как видно, иерархии ограничений (36с) и (36d) коренным образом отличаются от «иерархий маркированности», используемых как в «дискриминаторной» концепции, так и в ее ТО-формализациях. Эти ограничения не запрещают эксплицитное кодирование некоторой комбинации семантических признаков, а напротив, требуют того, чтобы определенное значение – «прототипический» А и «прототипический» Р – получало определенное формальное выражение. Напротив, иерархия (36е) интерпретируется в духе иерархий маркированности.

Отдельного комментария заслуживает принятая здесь формулировка ограничения различительности DIST. Для простоты я буду считать, что данное ограничение нарушается всякий раз, когда А и Р выражены одинаково и при этом указанные участники обладают схожими семантико-прагматическими свойствами¹². Возможность различения данных аргументов при помощи других средств, в частности, порядка слов, во внимание приниматься не будет.

Входом для ТО-оценки при помощи указанных ограничений будут абстрактные аргументные структуры типа <А, Р>, снабженные такими признаками как степень индивидуализации, вид/время, статус предикации. Кандидаты получают приписыванием этим аргументным структурам всех возможных комбинаций релевантных падежей (см. ниже). При этом кандидаты с заведомо «абсурдными» комбинациями семантической роли и падежа (например, Р, оформленный эргативом) не рассматриваются; эти кандидаты отсеиваются более высоко ранжированными ограничениями, связывающими конкретный падеж с теми семантическими ролями, которые он в принципе может кодировать.

Наконец, для того чтобы эксплицитно отразить характер падежной системы рассматриваемых языков, я отказываюсь от принятой некоторыми исследователями (см. [Woolford 2001; Aissen 2003]) идеи о возможности вывести из системы ранжированных ограничений не только характер падежного маркирования, но и сам состав падежной системы языка (ср. аналогичное решение в работах [Wunderlich, Lekämper 2001; de Hoop, Malchukov 2006]). Я полагаю, что набор падежей в языке является характеристикой, в принципе не зависящей от рассматриваемых ограничений, и задаю его отдельно. Данное решение, как представляется, подтверждается рассмотренными фак-

¹² Это ограничение считается нарушенным также в тех случаях, когда А менее индивидуализирован, чем Р.

тами, демонстрирующими, что одни и те же функциональные принципы действуют в языках с существенно различными падежными системами.

Перейдем к описанию рассмотренных в разд. 2 данных в рамках ТО. Начнем с менее сложного материала языка яки, где представлен лишь один тип «расщепленного» падежного маркирования. Ввиду того, что тип Р в этом языке никак не влияет на кодирование этой роли при помощи косвенного падежа, оба ограничения из соответствующей иерархии (36с) должны быть ранжированы выше ограничения *STRUCCASE. Напротив, т.к. независимо от вида и времени глагола А в яки (в независимых предикациях) единообразно оформляется немаркированным прямым падежом, оба ограничения иерархии (36d) в этом языке ранжированы ниже *STRUCCASE. Наконец, единственная иерархия, играющая роль в яки – иерархия (36е) – «разбивается» ограничением *STRUCCASE: ее первый член ранжирован выше его, а второй – ниже. Что же касается ограничения DIST, то его ранг в этом языке весьма низок; для простоты можно считать, что оно ранжировано непосредственно после *STRUCCASE. В результате мы получаем для яки ранжирование ограничений, представленное в (37). ТО-оценку независимых и подчиненных переходных предикаций в яки см. в табл. 4 и 5. Нерелевантные для яки ограничения из иерархии (36d) исключены из таблицы по соображениям экономии места.

(37) *EMBEDSB/Ø >> *INDIVP/Ø >> *NONINDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> DIST >> *INDEPSB/Ø >> *PASTA/Ø >> *NONPASTA/Ø

Таблица 4

ТО-оценка падежного кодирования в независимых предложениях в яки

<A, P; indep> {Dir, Obl}	*EMBEDSB/Ø	*INDIVP/Ø	*NONINDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>		*!	*!		(*)	
b. <A: Dir, P: Obl>				*		
c. <A: Obl, P: Obl>				**!	(*)	*
d. <A: Obl, P: Dir>		*!	*!	*		*

Таблица 5

ТО-оценка падежного кодирования в зависимых предложениях в яки

<A, P; embed> {Dir, Obl}	*EMBEDSB/Ø	*INDIVP/Ø	*NONINDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDEPSB/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>	*!	*	*		(*)	
b. <A: Dir, P: Obl>	*!			*		
c. <A: Obl, P: Obl>				**	(*)	
d. <A: Obl, P: Dir>		*!	*!	*		

Прокомментирую приведенные таблицы. Во-первых, знаки нарушения в колонках ограничений из (36с), связанных со степенью индивидуализации Р, следует рассматривать как дизъюнктивные: в каждом случае нарушено лишь одно из них, но не оба. Во-вторых, скобки при знаке нарушения в колонке ограничения DIST связаны, опять же,

с неспецифицированностью прагматических свойств А и Р во входе. Как видно, нижестоящее ограничение *STRUCCASE во всех типах предикаций работает одинаковым образом, однако «фатальность» его нарушения меняется в зависимости от действия вышестоящих ограничений иконичности. В обоих типах предложений запрещены немаркированные Р, в том числе и тогда, когда изменение кодирования Р «спасло» бы данную структуру с точки зрения различительности (см. кандидат *d* в табл. 5). Выбор между кандидатами *b* и *c* в независимых предложениях, т.е. между кодированием обоих ядерных аргументов косвенным падежом и аккузативной стратегией осуществляется при помощи ограничения *STRUCCASE: в немаркированном типе предикации такое «размножение» косвенного падежа оказывается слишком нэкономным. Напротив, в зависимых предикациях данное ограничение уже не играет роли – здесь выбор между кандидатами всецело зависит от ограничений иконичности. Что же касается ограничения различительности DIST, то оно в яки вообще нерелевантно.

Перейдем к существенно более сложному материалу индоиранских языков. Здесь нужно учитывать уже два независимых друг от друга типа «расщепленного» кодирования – дифференцированное оформление А в зависимости от времени/вида и дифференцированное оформление Р в зависимости от одушевленности/определенности соответствующего участника. Таким образом, для описания фактов языка вафси необходимо, чтобы вышестоящие ограничения иерархий (36с) и (36d) были сильнее *STRUCCASE, а нижестоящие, напротив, слабее. Тот факт, что эти грамматические процессы никак не зависят друг от друга, отражается в отсутствии какого-либо ранжирования ограничений разных иерархий между собой. Ограничение DIST также должно быть ранжировано довольно низко. Ранжирование соответствующих ограничений для вафси представлено в (38).

(38) *PASTA/Ø, *INDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> DIST >> *NONPAST/Ø, *NONINDIVP/Ø

Рассмотрим сначала ТО-оценку типа предложения с настоящим временем сказуемого и неиндивидуализированным Р (далее при анализе индоиранского материала будем считать, что А всегда высокоиндивидуализирован), см. табл. 6.

Таблица 6

ТО-оценка предложения с настоящим временем и неиндивидуализированным Р в вафси

<A, P: non-ind; non-past>, {Dir, Obl}	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>					*	*
b. <A: Dir, P: Obl>			*!		*	
c. <A: Obl, P: Dir>			*!			*
d. <A: Obl, P: Obl>			*!*			

Как видно из табл. 6, выбор между кандидатами в данном случае определяется исключительно ограничением маркированности *STRUCCASE: сильные ограничения иконичности в данном случае тривиальным образом выполняются.

Для наглядности рассмотрим также случаи, когда «непрототипическим» является лишь один из аргументов переходного предиката, т.е. предложения с индивидуализированным Р при настоящем времени глагола (табл. 7) и с прошедшим временем глагола при неиндивидуализированном Р (табл. 8).

ТО-оценка предложения с настоящим временем и индивидуализированным Р в вафси

<A, P: ind; non-past>, [Dir, Obl]	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>		*!		*	*	
b. <A: Dir, P: Obl>			*		*	
c. <A: Obl, P: Dir>		*!	*			
d. <A: Obl, P: Obl>			**!			

Таблица 8

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и неиндивидуализированным Р в вафси

<A, P: non-ind; past>, [Dir, Obl]	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>	*!					*
b. <A: Dir, P: Obl>	*!		*			
c. <A: Obl, P: Dir>			*			*
d. <A: Obl, P: Obl>			**!			

Как видно, принятый формализм верно предсказывает аккузативное и эргативное кодирование в этих двух случаях.

Перейдем наконец к случаю «канонического» переходного предложения (с прошедшим временем сказуемого и индивидуализированным Р), см. табл. 9.

Таблица 9

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и индивидуализированным Р в вафси

<A, P: ind; past>, [Dir, Obl]	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>	*!	*		*		
b. <A: Dir, P: Obl>	*!		*			
c. <A: Obl, P: Dir>		*!	*			
d. <A: Obl, P: Obl>			**	*		

Табл. 9 демонстрирует, что оптимальный кандидат *d*, т.е. квазинейтральная стратегия оформления актантов, – единственный, не нарушающий сильных ограничений иконичности; все остальные кандидаты, в том числе и те, что, в отличие от оптимального, не нарушают принципа различительности, отсекаются именно этими ограничениями.

Обратимся теперь к данным языка хинди и посмотрим, как указанные ограничения взаимодействуют с более богатой падежной системой, позволяющей по-разному оформлять А при перфективном виде и высоко индивидуализированный Р. Интересно, что для хинди оказывается пригодным то же самое ранжирование (38), что описывало распределение падежных показателей в вафси. Это, впрочем, не удивительно:

как мы видели, функциональные принципы, организующие релевантный фрагмент грамматик хинди и вафси, тождественны, а именно эти принципы и отражены в ограничениях и их ранжировании. ТО-оценка минимально и максимально «маркированных» типов предложений в хинди представлена в табл. 10 и 11.

Таблица 10

ТО-оценка предложения с имперфективным видом и неиндивидуализированным Р в хинди

<A, P: non-ind; non-perf>, {Nom, Obj, Erg}	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>					*	*
b. <A: Nom, P: Obj>			*!		*	
c. <A: Erg, P: Nom>			*!			*
d. <A: Erg, P: Obj>			*!*			

Таблица 11

ТО-оценка предложения с перфективным видом и индивидуализированным Р в хинди

<A, P: ind; perf>, {Nom, Obj, Erg }	*PASTA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>	*!	*		*		
b. <A: Nom, P: Obj>	*!		*			
c. <A: Erg, P: Nom>		*!	*			
d. <A: Erg, P: Obj>			**	✓		

Сравнение табл. 6 (вафси) и 10 (хинди) показывает, что наименее «маркированные» типы предложений (т.е. с настоящим временем и неиндивидуализированным Р) в этих языках тождественны с точки зрения кодирования актантов: в обоих языках как А, так и Р остаются неоформленными (точнее, оформляются наименее маркированным падежом – прямым в вафси и номинативом в хинди). Что касается наиболее «маркированного» типа предикации, то разница между вафси и хинди касается лишь ограничения DIST: в вафси оно нарушается, а в хинди – нет, что помечено в табл. 11 знаком ✓. Важно отметить, однако, что это различие в соответствии оптимального кандидата ограничению различительности никак не влияет на оценку кандидатов: в обоих языках кандидаты, содержащие меньше падежно-маркированных именных групп, отсекаются вышестоящими ограничениями иконичности.

Случай, подобные представленному в вафси, когда независимое действие двух разных правил «расщепленного» кодирования актантов приводит к нарушению принципа различительности, не столь многочисленны и представлены в основном в языках с бедными падежными системами. Кроме того, даже в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда для того, чтобы избежать квазинейтрального оформления ядерных актантов переходного предложения, правила «расщепленного» кодирования дополнительно распределяются. Рассмотрим в связи с этим материал языка заза (северо-западная подгруппа иранской группы языков, Турция, [Selcan 1998]).

В языке заза представлена двухпадежная система, морфологически очень напоминающая систему языка вафси. В заза имеются те же два распространенных в этом аре-

але типа «расщепленного» кодирования: А оформляется прямым падежом в имперфективных предложениях (примеры (39), (40) [Selcan 1998: 277–279]) и косвенным в перфективных (пример (41) [Ibid.]), а Р оформляется косвенным падежом в случае его высокой индивидуализации (в заза это одушевленность, пример (40)) и прямым в остальных контекстах (примеры (39), (41)).

- заза (северо-западная группа иранских языков, Турция)
- (39) *televe kitav cên-o.*
студент(DIR.SG) книга(DIR.SG) брать-PRS.3SG
‘Студент берет книгу’.
- (40) *televe malim-i vinen-o.*
студент(DIR.SG) учитель-OBL.SG видеть-PRS.3SG
‘Студент видит учителя’.
- (41) *televe-y kitav di.*
студент-OBL.SG книга(DIR.SG) видеть:PST.3
‘Студент увидел книгу’.

Существенное отличие заза от вафси, однако, проявляется именно в контекстах максимального «нагромождения» «канонических» признаков переходности, т.е. в предложениях с перфективным видом и одушевленным Р. В отличие от вафси, заза не допускает здесь квазинейтрального оформления актантов, разрешая эту коллизию путем нейтрализации разных степеней индивидуализации Р: данная роль при перфективном виде сказуемого единообразно оформляется прямым падежом, ср. примеры (41) и (42) [Ibid.]:

- заза
- (42) *televe-y malim(*-i) di.*
студент-OBL.SG учитель(*-OBL) видеть:PST.3
‘Студент увидел учителя’.

Для описания данного феномена в рамках принятого здесь формализма ТО необходимо предположить, что в заза ограничение различительности DIST ранжировано выше, чем ограничение иконичности *INDIVP/Ø, ср. ранжирование (43):

- (43) *PASTA/Ø >> DIST >> *INDIVP/Ø >> *STRUCASE >> *NONPAST/Ø,
*NONINDIVP/Ø

Как легко убедиться из табл. 12 и 13, данное ранжирование дает верные результаты как для наиболее, так и для наименее «маркированных» типов предикаций¹³.

Таблица 12

ТО-оценка предложения с настоящим временем и неиндивидуализированным Р в заза

<A, P: non-ind; non-past>, {Dir, Obl}	*PASTA/Ø	DIST	*INDIVP/Ø	*STRUCASE	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>					*	*
b. <A: Dir, P: Obl>				*!	*	
c. <A: Obl, P: Dir>				*!		*
d. <A: Obl, P: Obl>				*!*		

¹³ Читатель может самостоятельно убедиться в том, что изменение ранжирования никак не влияет на дифференцированное маркирование Р в предложениях с имперфективным видом.

ТО-оценка предложения с прошедшим временем и индивидуализированным Р в заза

<A, P: ind; past>, {Dir, Obl}	*PASTA/Ø	DIST	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	*NONPASTA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>	*!	*	*			
b. <A: Dir, P: Obl>	*!			*		
c. <A: Obl, P: Dir>			*	*		
d. <A: Obl, P: Obl>		*!		**		

Как видно из табл. 12, повышение в ранге ограничения различительности не оказывает влияния на предложения с неиндивидуализированным Р, поскольку данное ограничение в них выполняется по семантическим причинам. Напротив, при сочетании перфективного вида с одушевленным Р более высокий ранг DIST играет ключевую роль, запрещая кандидат *d* с квазинейтральной стратегией и делая оптимальным менее «иконичный», но зато «различительный» кандидат *c*.

Наконец, для того, чтобы показать, как данный формализм может «справиться» с материалом, служившим подтверждением «дискриминаторной» теории падежного маркирования, обратимся к данным языков дирбал и форе. В дирбале «расщепленное» кодирование обеих переходных ролей обусловлено положением соответствующих участников на иерархии одушевленности. Следовательно, помимо иерархии ограничений (36с), касающейся Р, нам понадобится иерархия (44), соотносящая роль А со степенью индивидуализации.

(44) *NONINDIVA/Ø >> *INDIVA/Ø

Высоко индивидуализированным в дирбал считается участник-локутор или участник, выраженный указательным местоимением, в то время как участники, занимающие более низкие позиции на иерархии одушевленности, в том числе и обозначающие людей, считаются в дирбал низко индивидуализированными. Для отражения фактов, представленных в разд. 1, примеры (4) и (5), подходит следующее ранжирование ограничений:

(45) *NONINDIVA/Ø, *INDIVP/Ø >> *STRUCCASE >> DIST >> *INDIVA/Ø, *NONINDIVP/Ø

Ранжирование ограничения экономии *STRUCCASE ниже обоих ограничений на морфологически не маркированные комбинации признаков индивидуализации и семантической роли позволяет формально кодировать оба типа «неестественных» актантов, см. табл. 14–17.

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в дирбале

<A: indiv, P: non-indiv>, {Nom, Acc, Erg}	*NONINDIVA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>					*	*
b. <A: Nom, P: Acc>			*!		*	
c. <A: Erg, P: Nom>			*!			*
d. <A: Erg, P: Acc>			*!*			

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным Р в дирбале

<A: indiv, P: indiv>, {Nom, Acc, Erg}	*NONINDIVA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>		*!		*	*	*
b. <A: Nom, P: Acc>			*		*	
c. <A: Erg, P: Nom>		*!	*			*
d. <A: Erg, P: Acc>			**!			

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в дирбале

<A: non-indiv, P: non-indiv>, {Nom, Acc, Erg}	*NONINDIVA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>	*!			*		*
b. <A: Nom, P: Acc>	*!		*			
c. <A: Erg, P: Nom>			*			*
d. <A: Erg, P: Acc>			**!			

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р в дирбале

<A: non-indiv, P: indiv>, {Nom, Acc, Erg}	*NONINDIVA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Nom, P: Nom>	*!	*		*		
b. <A: Nom, P: Acc>	*!		*			
c. <A: Erg, P: Nom>		*!	*			
d. <A: Erg, P: Acc>			**			

Как видно из приведенных таблиц, собственно ограничение различительности DIST в дирбале не играет решающей роли – за различение актантов отвечают ограничения иконичности и, что особенно важно, падежная система, содержащая различающиеся формально эргатив и аккузатив. Таким образом, ситуация в дирбале, фактически, мало чем отличается от ситуации в хинди. Если бы дирбал был языком с двухпадежной системой, можно было бы ожидать появления в нем квазинейтральной стратегии при кодировании наиболее «маркированного» типа предложений (с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р), ср. табл. 18 для «псевдодирбала» с двухпадежной системой.

**ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р
в "псевдодирбале"**

<A: non-indiv, P: indiv>, {Dir, Obl}	*NONINDIVA/Ø	*INDIVP/Ø	*STRUCCASE	DIST	*INDIVA/Ø	*NONINDIVP/Ø
a. <A: Dir, P: Dir>	*!	*		*		
b. <A: Dir, P: Obl>	*!		*			
c. <A: Obl, P: Dir>		*!	*			
d. <A: Obl, P: Obl>			**	*		

Языки, подобные «псевдодирбалу», среди известных мне языков с двухпадежными системами не засвидетельствованы, однако такие системы принципиально возможны¹⁴.

Перейдем к языку форе. Как мы видели в разд. 1, в этом языке показатель эргатива употребляется лишь в том случае, когда А и Р занимают примерно одинаковое положение на шкале одушевленности, точнее, когда Р расположен на этой шкале не ниже А. Сам Р при этом своего оформления не меняет. Для отражения эффектов «глобальной» различительности удобно рассмотреть конъюнкцию иерархии (44) с иерархией индивидуализации Р (36с)¹⁵, представленную в (46):

$$(46) \text{ *NONINDIVA/Ø \& *INDIVP/Ø } \gg \text{ *NONINDIVA/Ø \& *NONINDIVP/Ø, } \\ \text{ *INDIVA/Ø \& *INDIVP/Ø } \gg \text{ *INDIVA/Ø \& *NONINDIVP/Ø }$$

Очевидно, что, поскольку в форе маркируются все отклонения от «канонического» переходного предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р, первые три члена иерархии (46) должны быть ранжированы выше ограничения экономики *STRUCCASE. Что же касается ограничения различительности DIST, то его позиция в ранжировании оказывается нерелевантной: его роль снова выполняют ограничения иконичности из (46). ТО-оценка разных типов переходных предложений в форе представлена в табл. 19–22.

Таблица 19

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в форе

<A: ind, P: non-ind>, {Nom, Erg}	*NONINDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	*NONINDIVA/Ø & *NONINDIVP/Ø	*INDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	DIST	*STRUCCASE
a. <A: Nom, P: Nom>					
b. <A: Erg, P: Nom>					*!

¹⁴ Ср., однако, во многих отношениях похожую ситуацию в ваханском языке (памирская подгруппа юго-восточной группы иранских языков, см. [Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976]), где нарушение принципа различительности происходит в системе личных местоимений, т.е. на крайне левом конце шкалы одушевленности: локутор с ролью Р всегда оформляется косвенным падежом местоимения; кодирование же местоименного А (в прошедшем времени), согласно работе [Bashir 1986], зависит от степени волитивности соответствующего участника и от уровня его выделенности в дискурсе.

¹⁵ Как легко доказать, конъюнкция двух иерархий $A \gg B$ и $C \gg D$ порождает иерархию $A\&C \gg B\&D$.

ТО-оценка предложения с индивидуализированным А и индивидуализированным Р в форе

<A: ind, P: ind>, {Nom, Erg}	*NONINDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	*NONINDIVA/Ø & *NONINDIVP/Ø	*INDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	DIST	*STRUCCASE
a. <A: Nom, P: Nom>			*!	*	
«b. <A: Erg, P: Nom>					*

Таблица 21

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и индивидуализированным Р в форе

<A: non-ind, P: ind>, {Nom, Erg}	*NONINDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	*NONINDIVA/Ø & *NONINDIVP/Ø	*INDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	DIST	*STRUCCASE
a. <A: Nom, P: Nom>	*!			*	
«b. <A: Erg, P: Nom>					*

Таблица 22

ТО-оценка предложения с неиндивидуализированным А и неиндивидуализированным Р в форе

<A: non-ind, P: non-ind>, {Nom, Erg}	*NONINDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	*NONINDIVA/Ø & *NONINDIVP/Ø	*INDIVA/Ø & *INDIVP/Ø	DIST	*STRUCCASE
a. <A: Nom, P: Nom>		*!		*	
«b. <A: Erg, P: Nom>					*

Как легко видеть из приведенных таблиц, «маркированные» комбинации признаков А и Р соотносятся с падежно-оформленным А при помощи сильных ограничений иконичности, делающих собственно «глобальное» ограничение различительности излишним. Внимательный читатель, однако, мог заметить, что того же результата возможно достигнуть и при помощи лишь двух ограничений: DIST и *STRUCCASE. Тем самым, для данного материала теория падежного маркирования, учитывающая принцип иконичности, и концепция, основанная лишь на принципах экономии и различительности, дают одинаковые результаты. Их предсказания, однако, существенно различны при столкновении с более сложным материалом индоиранских или юто-ацтекских языков, позволяющим продемонстрировать превосходство такой концепции падежного маркирования, которая не игнорирует принцип иконичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные выше данные показывают, что в основе различных стратегий падежного маркирования в языках мира лежит не принцип различительности, а принцип иконичности, который требует, в частности, чтобы участники ситуации с одинаковыми или похожими семантическими ролями кодировались по-разному, если они обладают различающимися семантико-прагматическими свойствами, такими как одушевленность/личность, вовлеченность в ситуацию, местоименность, определенность, «фокус эмпатии» и т.п. Как было показано, во многих случаях эффекты принципа

различительности оказываются вторичными по отношению к требованиям принципа иконичности, поскольку нормальной ситуацией является такая, при которой эти логически независимые тенденции не противоречат друг другу, а, напротив, друг друга усиливают (как в хинди и дирбале). Тем не менее, в случае конфликта указанных принципов вовсе не всегда «побеждает» различительность. Как мы видели, в языках с двухпадежными системами встречаются ситуации, когда требования иконического оформления аргументов с теми или иными семантико-прагматическими свойствами приводят к «неразличительным» нейтральной и квазинейтральной стратегиям оформления актантов.

Рассмотренный материал, как представляется, со всей очевидностью свидетельствует о том, что функционально мотивированные правила парадигматической дифференциации разных типов участников ситуации существуют в языке независимо от того, какая именно падежная система в нем представлена. Содержательно близкие или даже тождественные грамматические процессы могут приводить к существенно разным стратегиям оформления актантов в языках с богатыми и бедными падежными системами. Напрашивается вывод, что сами «глобальные» стратегии падежного кодирования – аккузативная, эргативная и проч. – суть явления, не более чем производные по отношению к принципам, управляющим морфологическим кодированием отдельных аргументов.

Как, я надеюсь, мне удалось показать, подход, инкорпорирующий разные группы факторов, определяющих выбор стратегий падежного маркирования, в частности, грамматические правила, обусловленные принципом иконичности, оказывается более гибким и способным более адекватно отразить языковое разнообразие, в том числе и факты двухпадежных систем, ранее считавшиеся странными отклонениями от универсальных моделей. Дальнейшие эмпирические исследования должны показать, насколько широко применим подход, сформулированный в данной статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2005 – П.М. Аркадьев. Функционально-семантическая типология двухпадежных систем // ВЯ. 2005. № 4.
- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. Двухпадежные системы в индоиранских языках: Типологическая перспектива // М.Н. Боголюбов (ред.). Индоиранское языкознание и типология языковых ситуаций: Сб. ст. к 75-летию проф. А.Л. Грюнберга (1930–1995). СПб., 2006.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976 – А.Л. Грюнберг, И.М. Стеблин-Каменский. Ваханский язык. Тексты, словарь, грамматический очерк. М.; Л., 1976.
- Зограф 1976 – Г.А. Зограф. Морфологический строй новых индоарийских языков. М., 1976.
- Керимова, Расторгуева 1975 – А.А. Керимова, В.С. Расторгуева. Категория падежа // В.С. Расторгуева (ред.). Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. II. М., 1975.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик 2007 – А.Е. Кибрик. Принципы и стратегии клаузуального сочинения в дагестанских языках // ВЯ. 2007. № 3.
- Князев 1999 – С.В. Князев. О критериях слогаделения в современном русском языке: теория волны сонорности и теория оптимальности // ВЯ. 1999. № 1.
- Лакофф 1981/1971 – Дж. Лакофф. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / Под ред. В.А. Звегинцева. М., 1981. [G. Lakoff. Linguistic gestalts // Papers from the 13th Regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1977.]
- Маслова 2004 – Е.С. Маслова. Динамика типологических распределений и стабильность языковых типов // ВЯ. 2004. № 5.
- Пирейко 1968 – Л.А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
- Сердобольская 2005 – Н.В. Сердобольская. Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Тестелец 2003 – Я.Г. Тестелец. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. в виде науч. докл. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Aissen 1999 – J. Aissen. Markedness and subject choice in optimality theory // *Natural language and linguistic theory*. V. 17. 1999. № 4.
- Aissen 2003 – J. Aissen. Differential object marking: Iconicity vs. economy // *Natural language and linguistic theory*. V. 21. 2003. № 3.
- Arkadiev 2006 – P.M. Arkadiev. Two-term case systems in cross-linguistic perspective // Online proceedings of CESCL-1, Budapest, May 2006. Budapest, 2006. [<http://www.nytud.hu/cescl/proceedings.html>]
- Arkadiev 2008a – P.M. Arkadiev. Differential argument marking in two-term case systems and its implications for the general theory of case marking // P. de Swart, H. de Hoop (eds.). *Differential subject marking*. Dordrecht, 2008. [электронная версия ROA # 744, <http://roa.rutgers.edu>]
- Arkadiev 2008b – P.M. Arkadiev. Poor (two-term) case systems: Limits of neutralization // A.L. Malchukov, A. Spencer (eds.). *Handbook of case*. Oxford, 2008.
- Bashir 1986 – E. Bashir. Beyond split-ergativity: Subject marking in Wakhi // *Papers from the 22nd Regional meeting of the Chicago linguistics society*. Chicago, 1986.
- Blake 2001/1994 – B.J. Blake. *Case*. 2nd ed. Cambridge, 2001.
- Bossong 1985 – G. Bossong. *Empirische Universalienforschung: Differentielle Objekt-markierung in den neuiranischen Sprachen*. Tübingen, 1985.
- Butt, King 2002 – M. Butt, T.H. King. Case systems: Beyond structural distinctions // E. Brandner, H. Zinmeister (eds.). *New perspectives on case theory*. Stanford (CA), 2002.
- Butt, King 2004 – M. Butt, T.H. King. The status of case // V. Dayal, A. Mahajan (eds.). *Clause structure in South-Asian languages*. Dordrecht, 2004.
- Comrie 1978 – B. Comrie. Ergativity // W.P. Lehmann (ed.). *Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language*. Austin; London, 1978.
- Comrie 1979 – B. Comrie. Definite and animate direct objects: A natural class // *Linguistica Silesiana*. V. 3. 1979.
- Comrie 1989/1981 – B. Comrie. *Language universals and linguistic typology*. 2nd ed. Oxford, 1989.
- de Hoop, Lamers 2006 – H. de Hoop, M. Lamers. Incremental distinguishability of subject and object // L.I. Kulikov, A.L. Malchukov, H. de Hoop (eds.). *Case, valency, and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006. [электронная версия ROA # 796, <http://roa.rutgers.edu>]
- de Hoop, Malchukov 2006 – H. de Hoop, A.L. Malchukov. Case marking strategies. Ms., 2006. [электронная версия ROA # 797, <http://roa.rutgers.edu>]
- de Hoop, Narasimhan 2005 – H. de Hoop, B. Narasimhan. Differential case-marking in Hindi // M. Amberber, H. de Hoop (eds.). *Competition and variation in natural languages: The case for case*. Amsterdam, 2005.
- Dekkers et al. (eds.) 2000 – J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds.). *Optimality theory. Phonology, syntax, and acquisition*. Oxford, 2000.
- DeLancey 1981 – S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // *Language*. V. 57. 1981. № 3.
- Dixon 1972 – R.M.W. Dixon. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge, 1972.
- Dixon 1979 – R.M.W. Dixon. Ergativity // *Language*. V. 55. 1979. № 1.
- Dixon 1994 – R.M.W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge, 1994.
- Donohue, Donohue 1997 – C. Donohue, M. Donohue. Fore case marking // *Language and linguistics in Melanesia*. V. 28. 1997. № 1–2.
- Du Bois 1985 – J. Du Bois. Competing motivations // J. Haiman (ed.). *Iconicity in syntax*. Amsterdam; Philadelphia, 1985.
- Du Bois 1987 – J. Du Bois. The discourse basis of ergativity // *Language*. V. 63. 1987. № 4.
- Givón 1995 – T. Givón. *Functionalism and grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Guerrero, Van Valin 2004 – L. Guerrero, R.D. Van Valin, Jr. Yaqui and the analysis of primary object languages // *International journal of American linguistics*. V. 70. 2004. № 3.
- Haiman 1985 – J. Haiman. *Natural syntax, iconicity and erosion*. Cambridge, 1985.
- Haspelmath 1999 – M. Haspelmath. Optimality and diachronic adaptation // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. Bd. 18. 1999. № 2.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. V. 56. 1980.
- Kager 1999 – R. Kager. *Optimality theory*. Cambridge, 1999.
- Keenan 1985 – E.L. Keenan. Relative clauses // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. V. 2. Cambridge, 1985.
- Kittilä 2002 – S. Kittilä. Remarks on the basic transitive sentence // *Language sciences*. V. 24. 2002.

- Lazard 1994 – *G. Lazard*. *L'actance*. Paris, 1994.
- Lee 2003 – *H. Lee*. Parallel optimization in case systems // M. Butt, T.H. King (eds.). *Nominals: inside and out*. Stanford (CA), 2003.
- Legendre et al. 1993 – *G. Legendre, W. Raymond, P. Smolensky*. An optimality-theoretic typology of case and grammatical voice systems // *Proceedings of the 19th annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley, 1993.
- Legendre et al. (eds.) 2001 – *G. Legendre, J. Grimshaw, S. Vikner* (eds.). *Optimality theoretic syntax*. Cambridge (Mass.), 2001.
- Lehmann 1988 – *Chr. Lehmann*. Towards a typology of clause linkage // *J. Haiman, S.A. Thompson* (eds.). *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
- Lindenfeld 1973 – *J. Lindenfeld*. *Yaqui syntax*. Berkeley, 1973.
- Maslova, Nikitina 2006 – *E.S. Maslova, T. Nikitina*. Stochastic universals and dynamics of cross-linguistic distributions: The case of alignment types. Ms., 2006.
- McCarthy 2002 – *J.J. McCarthy*. *A thematic guide to Optimality theory*. Cambridge, 2002.
- Mallinson, Blake 1981 – *G. Mallinson, B.J. Blake*. *Language typology*. Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam, 1981.
- Masica 1991 – *C. Masica*. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge, 1991.
- Mohanan 1994 – *T. Mohanan*. *Argument structure in Hindi*. Stanford, 1994.
- Moravcsik 1978 – *E.A. Moravcsik*. On the limits of subject-object ambiguity tolerance // *Papers in linguistics*. V. 11. 1978. № 1–2.
- Nakamura 1999 – *W. Nakamura*. Functional optimality theory. Evidence from split case systems // M. Darnell, E. Moravcsik, F. Newmeyer, M. Noonan, K. Wheatley (eds.). *Functionalism and formalism in linguistics*. V. II: Case studies. Amsterdam; Philadelphia, 1999.
- Næss 2004 – *Å. Næss*. What markedness marks: The markedness problem with direct objects // *Lingua*. V. 114. 2004. № 7.
- Næss 2006 – *Å. Næss*. *Prototypical transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Nichols 1992 – *J. Nichols*. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago; London, 1992.
- Payne 1979 – *J.R. Payne*. Transitivity and intransitivity in the Iranian languages of the U.S.S.R. // P.R. Clyne, W.F. Hanks, C.L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A parasession on linguistic units and levels, including papers from the conference on Non-Slavic languages of the USSR (The 15th annual meeting of the Chicago linguistic society)*. Chicago, 1979.
- Payne 1980 – *J.R. Payne*. The decay of ergativity in Pamir languages // *Lingua*. V. 51. 1980.
- Plank 1980 – *F. Plank*. Encoding grammatical relations: Acceptable and unacceptable non-distinctness // J. Fisiak (ed.). *Historical morphology*. The Hague, 1980.
- Primus 1999 – *B. Primus*. *Cases and thematic roles. Ergative, accusative and active*. Tübingen, 1999.
- Primus 2003 – *B. Primus*. Proto-roles and case selection in optimality theory. *Arbeiten des SFB 282 «Theorie des Lexikons»*. 2003. № 122.
- Prince, Smolensky 2004/1993 – *A. Prince, P. Smolensky*. *Optimality theory: Constraint interaction in generative grammar*. Oxford, 2004. [Ms. Rutgers University, 1993, электронная версия ROA # 537, <http://roa.rutgers.edu>]
- Selcan 1998 – *Z. Selcan*. *Grammatik der Zaza-Sprache. Nord-Dialekt (Dersim-Dialekt)*. Berlin, 1998.
- Silverstein 1976 – *M. Silverstein*. Hierarchy of features and ergativity // R.M.W. Dixon (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. Canberra, 1976.
- Song 2001 – *J.-J. Song*. *Linguistic typology. Morphology and syntax*. London, 2001.
- Stilo 2004 – *D. Stilo*. *Grammar notes* // D. Stilo (ed.). *Vafsi folk tales*. Wiesbaden, 2004.
- Testelec 1998 – *Y.G. Testelec*. On two parameters of transitivity // L. Kulikov, H. Vater (eds.). *Typology of verbal categories. Papers presented to V. Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday*. Tübingen, 1998.
- Tsunoda 1981 – *T. Tsunoda*. Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics*. V. 19. 1981. № 5/6.
- Wierzbicka 1980 – *A. Wierzbicka*. *The case for surface case*. Ann Arbor, 1980.
- Wierzbicka 1981 – *A. Wierzbicka*. Case marking and human nature // *Australian journal of linguistics*. V. 1. 1981.
- Wierzbicka 1983 – *A. Wierzbicka*. The semantics of case marking // *Studies in language*. V. 7. 1983. № 2.
- Woolford 2001 – *E. Woolford*. Case patterns // G. Legendre, J. Grimshaw, S. Vikner (eds.). *Optimality theoretic syntax*. Cambridge (Mass.), 2001.
- Wunderlich, Lakämper 2001 – *D. Wunderlich, R. Lakämper*. On the interaction of structural and semantic case // *Lingua*. V. 111. 2001.
- Yar-Shater 1969 – *E. Yar-Shater*. *A grammar of Southern Tati dialects*. The Hague; Paris, 1969.